

Книжное обозрение

буржуазный информатор

В Москве выходит журнал «Иностранная книга», орган Библиографического института ОГИЗа. Журнал этот должен информировать советского читателя о современной иностранной литературе. Помещаемый в нем материал разбит по трем основным линиям: «социально-экономическая литература», «наука и техника» и «художественная литература». В настоящем обзоре мы остановимся исключительно на отделе художественной литературы.

От официального органа Библиографического института мы вправе требовать проверенной информации, четкого марксистского анализа и правильной литературно-политической оценки и зарубежной литературной продукции (как пролетарской, так и буржуазной). Орган Библиографического института должен быть для любого советского читателя, интересующегося зарубежной художественной литературой, верным гидом, позволяющим ему безошибочно ориентироваться на заваленном всяким хламом литературно-художественном рынке капиталистических стран.

К сожалению, отдел «Иностранной книги», посвященный художественной литературе, ни в коей мере не заслуживает такого доверия советского читателя, и тот, кто хотел бы, на основании печатающегося в нем из номера в номер материала, создать себе хотя бы приблизительную картину общего положения зарубежной художественной литературы, расстановки на этом фронте классовых сил и места, которое занимает в нем пролетарская и революционная литература,— не только не получит такой картины, но запутается в конце и не в состоянии будет создать себе даже приблизительного представления о зарубежной литературе.

Большинство рецензий, помещаемых в «Иностранной книге», характеризует буржуазный объективизм и предельный гнилой либерализм по отношению к фашистской и социал-фашистской литературе, поверхностный формализм, а зачастую и просто элементарная безграмотность. В числе рецензентов этого журнала мы встречаем небезызвестного нам Д. Горбова (правда, в № 3—4, после разоблачения на страницах «Правды» «рецензии» Д. Горбова на книжку П. Доминика, фамилия его не фигурирует уже на страницах «Иностранной книги»); Фатиму Риза-Заде, поклонницу ремаркизма из «Нового мира», и целый ряд анонимов и инициалов, не позволяющих определить личности скрывающихся за ними авторов. Но, на основании содержания этих рецензий, можно до-
стоверно заключить, что (не считая трех-четы-

рех авторов) литературно-художественный отдел «Иностранной книги» стал с первых же номеров приютом для представителей буржуазной критики, неоднократно уже разоблаченных и не находящих себе места в других советских журналах. Хуже всего то, что пролетарская критика ничему этих авторов не научила, разве только более тщательному приспособленчеству.

Возьмем для примера современную французскую литературу и те произведения, которыми она представлена в «Иностранной книге». Первое, что бросается в глаза,— это совершенно случайный подбор рецензируемых книг, не оправданный ничем, ни их политической значимостью, ни их знаменательностью в каком бы то ни было отношении. Создается впечатление, что редактора «Иностранной книги» не знают по существу современной французской литературы (да и других литератур) и что подбор рецензий основан на полнейшем самотеке. Рецензенты берут наугад ту или другую книжку с пестрой полки зарубежного книжного рынка и «анализируют» ее, «как таковую», в полнейшем отрыве не только от общей политической ситуации в данной стране, не только от совокупности литературных явлений, но даже... от предыдущего творчества рецензируемого писателя, знакомство с которым для рецензентов «Иностранной книги» вовсе не обязательно.

Так, например, в № 1 французская литература представлена в рецензиях тремя книжками: Карко, Шамсона и Немировской, из которых серьезного разбора заслуживал один лишь Шамсон. Авторы этих рецензий: Риза-Заде, Р. и Р. З., ограничиваются подробным пересказом сюжета упомянутых романов, приукрашая этот пересказ двумя-тремя «обобщающими» замечаниями. Риза-Заде, характеризующая Карко как «писателя полудеклассированной богемы», изрекает несколькими строками ниже такое глупокомысленное суждение:

«Часто, особенно во Франции, где выдержанная пролетарская литература еще сравнительно бедна и малочисленна, многие близкие пролетариату художники сбиваются на тематику этой люмпенпролетарской литературы, как литературы, отрицательно воспроизводящей социальную современность» (подчеркнуто нами).

Как видно, Харьковская конференция, констатирующая в своей резолюции по вопросу пролетарской и революционной литературы во Франции, что «в данный момент нельзя даже говорить о наличии в ней оформленных зачатков революционной и пролетарской литературы», в корне ошибается. Во Франции есть про-

летарская литература, и она разделяется на «выдержанную» и «невыдержанную». Правда, Риза-Заде не приводит нам ни одного примера ни той, ни другой, что представляло бы для нас несомненный интерес. Во Франции, как мы узнаем от Риза-Заде, есть также «многие близкие пролетариату художники», которые, к сожалению, сбиваются на «люмпенпролетарскую литературу». Один из таких «близких пролетариату художников» — Карко. Можно себе вообразить, как выглядят остальные!

Критик, скрывающийся под инициалами Р., пересказывая сюжет «Табюсса» А. Шамсона, характеризует Шамсона в двух строках, как «далеко не революционного в известной мере художника». Правда, эта не вполне разумительная характеристика не позволяет судить, в какой именно мере Шамсон не революционер, а в какой революционер. Мы узнаем только достоверно, что Шамсон пессимист, но его пессимизм, по мнению критика, оправдан тем, что он пишет о французском крестьянстве. Об этом крестьянстве, в общем и целом, автор рецензии весьма невысокого мнения. Герой Шамсона, по его словам, лишен страсти к накоплению, —

«этой основной черты французского крестьянства, в значительной мере представляющего собой настоящее олицетворение вырастающих на этом инстинкте хищничества, жадности и мелочности».

Пессимизм Шамсона и буржуазных авторов, описывавших французское крестьянство, по мнению гр-на Р., «конечно не случаен». Корней его надо искать не в идеологии того или иного писателя, а в самом материале, то есть в том же недолюбливаемом автором рецензии французском крестьянстве, которое он характеризует, как

«самую консервативную, самую косную массу французского буржуазного общества, поскольку мелкое хозяйство и мелкая собственность, как известно, самые трудно поддающиеся прогрессу формы производства... Недаром все реакционные правительства неизменно опирались во Франции на крестьянство, находя в нем постоянного союзника в борьбе с пролетариатом».

Итак, во Франции ленинская формула о союзе пролетариата и трудового крестьянства в их общей борьбе с капиталом неприемлема в силу специфических «черт французского крестьянства». Французские крестьяне — заклятые враги пролетариата.

«Отсюда неизбежная пессимистичность в изображении их быта, даже и тогда, когда к нему подходят далеко не революционные художники...»

Если бы к нему подошел революционный художник, пессимизм его, очевидно, должен бы быть еще глубже.

Вот какие интересные сокровенные взгляды рецензента мы узнаем по случаю небольшой книжечки «в известной мере далеко не революционного художника» Шамсона, являющегося на самом деле типичным кулацким писателем, пессимизм которого в настоящую эпоху, «ко-

нечно, не случаен», хотя корни его далеко не те, которые указывает нам гр-н Р. Рассматривая «Бал» Немировской, рецензент Р. З. восхищается этой пошленькой книжкой, пленившей его, как

«новелла, построенная на блестящем мастерстве того старого психологизма, традиция которого идет от Мопассана».

Рассказывая нам со вкусом на двух столбцах всякую белиберду об осуждаемой им весьма сурово «пустой маленькой самке», о «взбудораженной психологии четырнадцатилетнего подростка» и о его «поистине головокружительном торжестве», — рецензент, заканчивая свою хвалебную оду, решил под конец подпустить немного «идеологии» и умиляется над тем, как

«на таком, как будто незначительном факте с предельной яркостью вскрывается страшная пустота, ограниченность и пошлость интересов достопочтенного буржуазного общества».

Нам кажется, что это не Немировская, а автор рецензии «на таком как будто незначительном факте», как «Бал» Немировской, «с предельной яркостью» вскрыл свою собственную ограниченность и пошлость и доказал наглядно, что по своему мировоззрению и вкусам он принадлежит к тому же «достопочтенному буржуазному обществу», что и Немировская.

В хронике того же номера помещена анонимная заметка о книге «Regain» кулацкого писателя Жано Жионо. Автор этой заметки умиляется в свою очередь над тем, что

«в «Regain» писатель освобождается от своих мистических настроений и направляет все свои творческие силы на отражение трудовой жизни крестьянства, на прославление труда и земли».

Может обрадовать рецензента «Иностранной книги», что в современной французской литературе прославлением труда (на капиталистического хозяина) занимается не один лишь Жионо, а целая галерея социал-фашистских и кулацких литераторов. Пусть рецензент достанет их книжки и почитает, умилению его, наверное, не будет пределов. Будем только надеяться, что ни один советский журнал не будет больше печатать этих умиленных излияний.

№ 2 «Иностранной книги» украшает рецензия Д. Горбова, откровенно воспевающая клеветническую социал-фашистскую книгу о СССР Пьера Доминика «Да, но Москва...»¹. Социал-фашистский клеветник Доминик квалифицируется Горбовым, как «человек толковый и в значительной степени непредубежденный».

«Политика нашей партии... не только не встречает с его стороны враждебности и клеветы, столь обычных для буржуазного журналиста, но значительную долю понимания и сочувствия. Нельзя отрицать положительное пропагандистское значение книжки для широких слоев колеблющейся интеллигенции Запада» (подчеркнуто нами).

Книжку Доминика у нас переводить не нужно, по мнению Горбова, только потому, что «она не может дать ничего нового (не говоря уже о том, что действительность отодвинула в прошлое все, что сообщает эта книга, так что она имеет со стороны фактической лишь исторический интерес)».

Такая оценка социал-фашистского идеолога, отрицающего социалистический характер нашего строительства и указывающего трудящимся массам Запада на фашизм, как на тот «особый путь», которым они придут к тем же достижениям, что и пролетариат СССР,— это уже не социал-фашистская контрабанда, это — прямое воспевание социал-фашистской контрабанды!

В № 3—4 знакомая нам уже Фатима Риза-Заде дает обстоятельную рецензию на книгу Люсьена Буржуа «Предместья», вышедшую с предисловием А. Барбюсса. Не обмолвившись ни словом о грубейших оппортунистических ошибках, заключенных в этом предисловии, Риза-Заде продолжает развивать перед нами свои взгляды на французскую пролетарскую литературу: «Французская пролетарская литература чрезвычайно бедна. Факт печальный и общеизвестный. Она страдает не только малочисленностью, но и большой идеологической невыдержанностью. Эта невыдержанность проявляется главным образом в тенденциях мещанского индивидуализма, пассивности и пессимизма, которыми часто окрашены произведения, посвященные изображению рабочего быта Франции, даже когда авторами таких повествований являются сами рабочие».

Мы знаем уже из № 1 «Иностранной книги», что Риза-Заде, отвергая «ошибочные» утверждения Харьковской конференции об отсутствии во Франции даже «оформленных зачатков революционной пролетарской литературы», открыла во Франции пролетарскую литературу и подразделила ее на «выдержанную» и «невыдержанную», не указывая, правда, примеров. Здесь уже налицо более точное определение. Если автор, «сам рабочий», пишет «произведения, посвященные изображению рабочего быта», то он — писатель пролетарский. Если теперь у такого пролетарского писателя будет и пролетарская идеология, то это будет «выдержанный пролетарский писатель». Если же у него идеология буржуазная («мещанский индивидуализм, пассивность и пессимизм»), то это тоже пролетарский писатель, только «невыдержанный». Правда, Риза-Заде беспокоят некоторые сомнения насчет того, наверно ли пролетарский писатель Л. Буржуа, и она заикается даже о «проблематичности такого названия для произведений Буржуа».

Для нас, например, так вовсе не проблематично, что рабочий писатель с буржуазной идеологией есть не пролетарский, а буржуазный писатель. Риза-Заде до сих пор не решила этой «проблемы».

Риза-Заде цитирует «скорбные» излияния автора, осознающего, что рабочий класс, от которого он оторвался, не доверяет ему больше и не рассматривает его больше, как одного из своих:

«Разве я не такой же человек, как окружающие, из-за того только, что я прочел много книг, или оттого, что я попытка любить всех людей, не исключая моих вчерашних врагов?» (подчеркнуто нами).

Автор рецензии отмечает и то, что классовую ненависть рабочих к эксплуататорам Буржуа пытается «оправдать» их примитивностью и некультурностью. Но даже это не в состоянии убедить Риза-Заде, что мы имеем здесь дело с литературным агентом буржуазии. По ее мнению, Буржуа лишь «типичный идеолог отсталых слоев пролетариата». Буржуа отнюдь не буржуазный идеолог, вся его вина лишь в «идеологической незрелости». Перефразируя здесь разделение пролетарской литературы, применяемое Риза-Заде, на «выдержанную» и «невыдержанную», мы приходим к выводу, что Буржуа — «невыдержанный пролетарский идеолог». В отличие от него, Риза-Заде представляется нам в своих критических изысканиях, как вполне выдержанный буржуазный идеолог.

Другой рецензент «Иностранной книги», Г. Севрук, в отзыве на книгу Ж. Дюамеля «Сцены из будущего»¹, «не заметил» вообще в этой книге основной ее идеи — «возврата вспять», ни того, что Дюамель критикует в ней современный капитализм с позиций простого товарного хозяйства. Приравнивание Дюамелем диктатуры пролетариата к фашистской диктатуре Севрук квалифицирует, как... «Неспособность Дюамеля разобраться в сложности современной социальной действительности», пытаюсь представить этот весьма типичный трюк фашистской пропаганды, как следствие субъективной отрешенности фашистского идеолога от мира сего. Через десять строчек, впрочем, Севрук признает, что Дюамель «как социал-фашист» (почему — социал?) «сознательно искажает факты».

Оценка этой весьма знаменательной книжки сводится к констатации, что она

«не является шагом вперед в творчестве Дюамеля... Ведь блеск увлекательного «essai» еще нельзя назвать художественной силой...»

Вот если бы книга Дюамеля отличалась не только «блеском», но и «художественной силой», тогда — дело другое...

Тот же Севрук выступил на страницах «Иностранной книги» с другой классической рецензией на книжку Андре Демезона «Комедия животных». По авторитетному заявлению Севрука,

«это произведение является совершенно неприемлемым для нас прежде всего с идеологической точки зрения» (подчеркнуто нами).

Книжка, как мы можем догадаться из ее содержания, воспекает самый зоологический империализм.

О критическом методе Севрука лучше всего свидетельствует его анализ «творческого метода» Демезона. Приводим его полностью:

«Творческий метод Демезона, который можно определить, как метод поверхностного объективизма, позволяет ему разворачивать психику своих героев не вглубь, а вширь... Демезон не идет дальше поверхности явлений, но эту поверхность он умеет показать иногда довольно ярко и убедительно. Ему лучше удаются образы, не требующие обобщений, нуждающиеся в одной наблюдательности. Лучшим в книге является образ шимпанзе Жюло. Не плохи так же пейзажи и описания. Переводить «La comédie animale» не следует. Идеологически эта книга вредна, а художественные ее достоинства ограничиваются одним образом обезьяны» (подчеркнуто нами).

Теперь для нас понятно, почему Севрук отметил вначале, что книжка Демезона для нас неприемлема «прежде всего с идеологической точки зрения». Оказывается, с художественной точки зрения она во многом для рецензента приемлема. Несмотря на недостатки своего «творческого метода», автор умеет показать кое-что «ярко и убедительно», «не плохи также пейзажи и описания» и «образ шимпанзе Жюло».

Этот раздел на «идеологию» и «художественность» в одинаковой мере является краеугольным камнем «критического метода» всех перечисленных «критиков». Все они в один голос восхищаются «художественностью» современной французской фашистской литературы и скорбят об «идеологической неприемлемости» или «идеологической незрелости» рецензируемых произведений, лишаящих их возможности быть переведенными у нас.

«Эрнст Перошон — писатель, как известно, буржуазный», — заявляет категорически рецензент, скрывающийся за инициалами И. З., в своем отзыве на книгу Перошона «Мари-Роз Мешен», чтобы затем перейти уже спокойно к детальному пересказу сюжета этого романа о «светловолосом скрипаче», о Мари-Роз, которой «нравится друг брата» и у которой «возникает надежда». Но лучше предоставим слово самому рецензенту, который дает нам следующую оценку романа Перошона:

«На переднем плане повторный женский тип; кроткая и робкая, но стройная (?) девушка становится наиболее красноречивой жертвой войны и ее удара по тылу (!?). Этот женский тип, нося в себе «лучшие качества» женщин прошлого — кроткость (почему кроткость, а не кротость? — примечание наше), долготерпение и мягкую настойчивость — оказывается типом наиболее жизненным, конечно, после нуворишей; только этот тип выживает и, смиряясь (?), отвоевывает себе место наряду с новыми парвеню» (подчеркнуто нами).

Несмотря на то, что Перошон «талантливо осветил рассказ (?) мелкой буржуазии, жизнь тыла, развал семьи» и другие вещи, «от перевода книги, несомненно, следует воздержаться». Воздержаться, повидимому, до лучших времен, когда у нас научатся ценить «ху-

дожественные достоинства», а не одну только «идеологию».

Другая рецензия того же И. З. на «Северную песню» Дюамеля — «откровенно (?) поэтическую оду Финляндии», к сожалению ничего не говорит рецензенту «о жизни финнов», как таковых. Зато она написана «по обыкновению с большим мастерством. Это почти поэма», — возмущается И. З., хотя тут же оговаривается, что «издавать книгу у нас в переводе не для чего».

«В ней Дюамель еще выше забрался под облака (?), в «поэтическое» верхоглядство буржуазного писателя».

Речь идет об изданном отдельно отрывке из новой книги Дюамеля «Сердечная география Европы»¹, представляющей реакционное дополнение к «Сценам из будущего» и указывающей Европе «блаженный путь» фашизма.

Что можно сказать о критике, который книгу, знаменующую собой реальные сдвиги части буржуазной интеллигенции в сторону открытой апологии фашизма, характеризует, как отход «в облака», в «верхоглядство буржуазного писателя»? И не пора ли покончить с верхоглядством безграмотных буржуазных критиков, упражняющихся безнаказанно на страницах «Иностранной книги»?

Помимо рецензий на книги, качество которых мы имели возможность проверить, «Иностранная книга» дает еще в специальном отделе, озаглавленном «Новые книги», краткие аннотации на «новинки сезона». Эти аннотации, составленные, как правило, на основе никак не проверенной информации, почерпнутой из буржуазной печати, возможно, могут еще иметь известное право на существование в тех случаях, когда они предназначены для специалистов в области техники, медицины и т. п., для которых имеет значение уже самое фактическое содержание аннотируемой книги.

При оценке той «информации», которую дает нам «Иностранная книга», речь должна идти, конечно, не о простой поверхностности и безответственно халтурном характере приводимых отзывов. Нет, мы имеем здесь дело с последовательно проводимым методом объективистско-беспартийного аполитичного подхода к аннотируемой литературе, раскрывающемся во всей своей полноте в тех случаях, когда авторам аннотации приходится сталкиваться с произведениями воинствующей социал-фашистской и фашистской литературы.

Сама идея некритического информирования советского читателя о новинках зарубежной литературы, на основе тех оценок, которые дает им социал-фашистская и фашистская печать, по меньшей мере чудовищна! Посмотрим, как выглядит такая информация на практике. О книге Леона Лемонье «Популизм» мы узнаем из аннотации, помещенной № 2, что

«автор стоит на точке зрения необходимости приближения современной французской художественной литературы к широкому читательским массам... Книга Лемонье разрабатывает чрезвычайно актуальный и интересный вопрос создания

нового «популистского» французского романа... Конечно, Лемонье не социалист и не марксист, но, повидимому, советская установка в области художественной литературы в значительной степени отразилась на его работе».

Редакторы «Иностранной книги» не слышали. Повидимому, до сих пор о том, что популизм есть одно из течений фашистской литературы, выкинувшее демагогический лозунг «орабочивания» тематики, чтобы усилить влияние фашистской литературы на массы. Такую реальную цель преследует это «приближение художественной литературы к широким читательским массам», которое так заинтересовало рецензента. Лемонье — основной теоретик популизма, — откровенный фашист. Все это, наверное, покажется редакторам «Иностранной книги» потрясающей новостью. Не имея представления о современной французской литературе (трудно предположить, чтобы «Иностранная книга» сознательно так горячо рекомендовала фашистов советскому читателю), редакторы этого журнала, вместо того чтобы с ней ознакомиться, предпочитают болтать на основании «авторитетных» отзывов фашистских «Нувель литере», что Лемонье, «конечно, не социалист и не марксист, но, повидимому, советская установка (?) в области художественной литературы... отразилась на его работе».

Этот вредный вздор, повидимому, так понравился редакторам «Иностранной книги», что они перепечатали его еще раз полностью, без каких-либо изменений, в следующем № 3—4 своего журнала. О книге Пьера Милля «Французский роман» мы узнаем, что

«автор проявляет большую объективность в своих суждениях о различных литературных школах и течениях и, что особенно ценно, относится с большим вниманием и симпатией к произведениям молодых авторов, вступивших на литературную сцену в послевоенный период» (подчеркнуто нами).

И этот гениальный отзыв перепечатан полностью еще раз в № 3—4.

Из аннотации, помещенной в № 3—4, мы узнаем, что книга А. Арну — «Путевые заметки вечного жида» — «читается с интересом»; что В. Маргерит в своей книге «Нет» к вопросам войны «подходит лишь с точки зрения общепринятой (?) пацифистской, устарелой (!) морали»; что интерес книги Ш. Деманжа «Елена» заключается не в ее фабуле — истории любви Елены и писателя, а в правдивой передаче всех настроений и переживаний довоенного литературно-художественного поколения; что «любовная связь пожилого вдовца с молоденькой кузиной — вот сюжетный стержень, вокруг которого Ш. Сильвестр располагает действие своего романа «Г-н Тераль»; что книга Ж. Варьо «Свобода, дорогая свобода!» обнаруживает «не только большой общественный темперамент, но и крупный художественный талант автора», и т. д. и т. п. Всех перлов приводить нет возможности. Большинство из них можно без изменения перепечатать в «Крокодиле», где они будут вполне уместны. Приведем еще лишь классический пример — аннотацию на новую книгу Пьера Бер-

нара, из которой мы узнаем, что «путем смешанных браков космополитической молодежи среднего буржуазного круга автор пытается разрешить проблему всеобщего братства народов. Смешная и наивная попытка», — заключает высокомерно марксист-редактор.

Ну, скажите, чем это не строки из «Крокодила»?

К сожалению, это не смешно. На печатание такой ерунды тратится бумага, и этот набор вздора должен информировать читателя о зарубежной литературе.

Критико-библиографический материал по английской и американской литературе в такой же степени оставляет желать лучшего, как и помещавшийся в «Иностранной книге» материал по другим литературам.

Аннотации, посвященные «новинкам» в «лучшем» случае ограничиваются плоским пересказом содержания произведения, а в худшем выдвигают в качестве оценочного критерия «авторитетное» мнение буржуазного рецензента из какого-нибудь «Книжного обозрения» нью-йоркского «Таймса» или «Литературного приложения» к лондонскому «Таймсу» и тому подобных реакционно-буржуазных изданий.

Что могут дать читателю аннотации, написанные, например, по следующим образцам: «Литературно-художественная биография Шуберта, написанная в форме романа. Автор подчеркивает трагическое в судьбе Шуберта, его самоотречение во имя своего гения» (аннотация на «Неоконченную симфонию» Юэна, № 2), или «Роман из жизни русских эмигрантов в Манчжурии, построенный по аналогии с жизнеописанием Товита (книга Товита, библия), якобы жившего в изгнании в Ниневию» (аннотация на роман Стеллы Бенсон, № 3—4). Кому нужны «потрясающие» по своей глубине открытия относительно того, что в книге «рассказ ведется от имени главной героини», что, по мнению критика, делает описание «еще более захватывающим» (аннотация на роман Робертсона, № 2), или столь же глубокие рассуждения о том, что «полное отсутствие материальной обеспеченности делает существование шахтеров весьма далеким от буржуазного мещанского довольства» (аннотация на «Мрак в полдень» Карлейля, кстати сказать, она, очевидно, настолько понравилась редакции «Иностранной книги», что ее сочли нужным напечатать дважды — и в № 2, и в № 3—4).

Неслучайно, что клеветнической антисоветской книге О'Флаэрти, этого в полном смысле слова продажного буржуазного писаки, — «Я поехал в Россию», «Иностранная книга» сочла нужным посвятить аннотацию, состоящую буквально из одной следующей фразы: «Впечатление автора о его пребывании в СССР» (?!). Нечего и говорить, что такого рода «аннотация», будучи приложена к произведению любого автора, побывавшего в СССР, вне всякой зависимости от его политической принадлежности, не только не дает правильного представления о книжке О'Флаэрти, но благодаря своей объективистской установке прямо дезориентирует читателя» (№ 2).

Неслучайно также, что Олдосу Гексли, писателю, несомненно связанному в той или иной мере с английской фашистской литературой,

«Иностранная книга» дает ни к чему не обязывающую аполитичную оценку, характеризуя его, как «писателя неглубокого, но талантливого и крайне типичного представителя английской мелкобуржуазной интеллигенции» (№№ 3—4), или — что, давая аннотацию на ярко фашистский английский роман Хорлера — «Шпион», прославляющий подвиги доблестных английских сыщиков в их борьбе с большевизмом, «Иностранная книга» точно так же смазывает политическое значение такого рода литературы и вместо того, чтобы мобилизовать внимание читателя для борьбы с литературным фашизмом, величественно-пренебрежительным жестом отмахивается от книги Хорлера, как от «детективного романа, написанного для английского мещанства и представляющего собой образец пошлейшей халтуры».

Если в области аннотаций, помещаемых в «Иностранной книге», можно еще пытаться найти извинения, ссылаясь на недостаточность материала, на то, что невозможно дать книге правильную политическую оценку, основываясь исключительно на рецензиях, помещаемых в иностранной печати (хотя такого рода извинения приводят в конечном счете лишь к необходимости поставить вообще вопрос о целесообразности существования этих аннотаций в их теперешнем виде), то от рецензий, помещаемых в «Иностранной книге», мы вправе безоговорочно требовать той политической четкости, которую мы напрасно стали бы искать в ее аннотациях.

Однако и в рецензиях на произведения англо-американской литературы мы сталкиваемся сплошь и рядом с той же аполитичностью, с тем же объективистским методом. Ярким примером такого рода объективистского подхода к литературным явлениям, неминуемо приводящего к искажению литературной действительности, может служить рецензия А. Елистратовой на пьесы Джо Корри (№ 1), характеризующая Корри — писателя, тесно связанного с социал-фашизмом, как писателя пролетарского, одного из «зачинателей английской пролетарской литературы». Стремясь во что бы то ни стало доказать свое исходное положение относительно пролетарской сущности творчества Корри, автор рецензии смазывает типично социал-фашистские черты его творческого метода, сводя их к «ограниченности, узости художественного охвата действительности», объясняющейся якобы лишь недостаточностью накопления революционного классового опыта, и объявляет в конечном счете эти свойства творческого метода социал-фашистского писателя характерными признаками «того начального этапа творческого развития, через который необходимо проходит почти каждый молодой рабочий-писатель, так же как и вся пролетарская литература в целом».

Иначе, чем инасилованием фактов, нельзя назвать попытки рецензента во что бы то ни стало найти даже в таких явлениях, присущих стилю Корри, как сентиментализм, лакирующий противоречия действительности, как семейно-бытовая ограниченность его тематики, как ползучий эмпиризм, характеризующий его творчество. — проявление его «революционной», «рабочей» сущности.

Эта грубо оппортунистическая ошибка по отношению к творчеству Корри повторяется в аннотациях А. Е. на другую его пьесу, где Корри также характеризуется как пролетарский писатель (№ 1).

Проявлением аналогичной ошибки надо считать анонимную аннотацию на «Воспоминания пехотного офицера» Зигфрида Сэссун, типичного продолжателя ремаркистских традиций. Совершенно безответственный характер носят заявления анонимного автора аннотации относительно того, что Сэссун «разоблачает истинные цели войны, вскрывает обман, в который были втянуты массы» (№ 1).

Рецензия С. Карлина на «Тележку с яблоками» — пьесу Бернарда Шоу — может служить примером обратного рода ошибки, когда политически близкий нам писатель расценивается чуть ли не как фашист (данная рецензия была положена автором в основу его развернутой статьи о Шоу, опубликованной в «На литпосту», где он накануне приезда Шоу в СССР прямо провозгласил его идеологом английского фашизма), ошибки, вырастающей, однако, на той же самой методологической основе, на основе объективистского подхода к литературному явлению, отрыва литературы от политики. Характерна в этом отношении заключительная фраза рецензии, где рецензент, в своем левацком усердии, готов отмахнуться даже от им самим констатируемой политической направленности произведения, лишь бы доказать своей тезис о «поправении» Шоу.

«...Хотя огромная сатирическая сила пьесы в изображении неспособности и бездарности английских политических деятелей перерастает в сатиру на английскую политическую систему вообще, хотя бы и вопреки желаниям автора, — пьеса все же свидетельствует о том, что в фабианских симпатиях Шоу происходит известный крен вправо» (подчеркнуто нами).

Такая же объективность, сводящаяся к разрыву между тематикой и мировоззрением писателя, имеет место и в другой рецензии того же Карлина (Джим Тулли — «Тени людей», № 1). Здесь в особенности характерно заявление автора, что

«...Факты, образцы, события, о которых он (Тулли) говорит, независимо от его мировоззрения, вскрывают социальное содержание описываемого им быта — и в этом ценность его книги для нас».

Этими грубо ошибочными рецензиями далеко не исчерпываются прорывы в работе «Иностранной книги» в области англо-американской литературы. За исключением нескольких, крайне немногочисленных, в основном правильных, рецензий на произведения англо-американской литературы — таковы рецензии А. Старцева на романы Стриблинга (№ 3—4) и Синклера (№ 2), рецензия Н. Э. на сборник «Гуманизм и Америка» (№ 1 и некоторые другие), — подавляющее большинство рецензий в этой области несет на себе отпечаток того эклектизма, той пошлой литературной дилетантщины, того приспособленчества, которые характерны для всей критико-библиографической продукции

«Иностранной книги» по отделу художественной литературы в целом.

В ряде рецензий, посвященных творчеству писателей-попутчиков, мы встречаемся с совершенно некритическим захваливанием рецензируемых произведений. Это относится, например, в известной степени к анонимной рецензии на «Красное возрождение» — сборник стихов американского молодого революционного поэта Г. Льюиса. Единственный упрек, который делает Льюису автор рецензии, заключается в том, что

«революционная... по своей направленности поэзия Льюиса с точки зрения формы до сих пор находится в значительной мере в плену старых традиционных поэтических канонов».

Этим замечанием, сделанным по существу с чисто формалистских позиций, ограничивается вся критика творчества Льюиса; абстрактность, схематичность и другие существенные недостатки его поэзии остаются не вскрытыми (№ 2). Аналогичный характер носит и рецензия Марка Волосова на роман Гаррисона — «Ребенок родился». Вместо того, чтобы с помощью критики тех ошибок, которые присущи еще творчеству Гаррисона, способствовать его подлинному политическому и творческому росту, Волосов замазывает эти ошибки, — в частности захваливает первый роман Гаррисона — «Генералы умирают в постели», утверждая, что замечания советских критиков, указывающих на пацифистский характер романа, «в корне неверны» (№ 3—4).

Примером полной методологической беспомощности в вопросах литературной критики может служить рецензия М. Зенкевича на роман Лэнгстона Хьюза — «Не без смеха» (№ 1). Марксистский анализ раннего творчества Хьюза подменяется у автора рецензии чисто импрессионистическими разговорами насчет того, что «лирика Лэнгстона Хьюза очень свежа, музыкальна, непосредственна». Недостаточная революционность романа получает у Зенкевича весьма наивное по своей примитивности «объяснение»:

«...протест против расового и экономического угнетения у Сэнди (героя романа) еще очень темен, классово не осознан. Вероятно, это объясняется тем, что Сэнди еще мальчик (!) и роман еще не окончен».

Не менее наивны и дальнейшие замечания автора рецензии, который, указав, что Хьюз отходит в своем романе от так называемой гарлемской литературной традиции, согласно которой негры служили лишь одной из форм литературной экзотики, продолжает:

«Однако и в «Не без смеха» немало страниц отведено идиллическому изображению празднеств и отдыха, пению и гитаре. «Не без смеха» нельзя назвать еще подлинно пролетарским негритянским романом».

«Не без смеха» нельзя назвать еще подлинно негритянским романом, конечно, не потому, что в нем «немало страниц отведено изображению празднеств» и пр., а потому, что, показывая расовое угнетение, Хьюз не делает из

этого показа необходимых революционных выводов, потому что он кладет в основу своего романа не классовые, а расовые противоречия, не показывает еще интернационального единства и белых, и негров внутри рабочего класса.

Поверхностным приспособленчеством отдает рецензия знакомого нам уже И. З. на роман Кроника — «Замок продавца шляп» (которому, кстати сказать, вообще вряд ли стоило посвящать отдельную развернутую рецензию, поскольку рекомендация английской буржуазной печати, зачислившей роман в „best sellers“, не является ведь еще для нас решающим доказательством его достоинств). После формалистско-лирических восторгов по поводу «мастерства изложения, богатства фабулы и яркости психологического описания» и достаточно нудного пересказа содержания романа, И. З., очевидно, вспоминает, что правила литературного «хорошего тона» рекомендуют слегка причислять под марксистскую гребенку даже те рецензии, которые предназначены для «Иностранной книги», и внезапно раздражается следующей неожиданной диатрибой по адресу буржуазной литературы:

«Анализ содержания романа указывает на то, что в послевоенной Англии буржуазная литература не хочет заниматься описанием страданий и надежд пролетариата, класса, которому принадлежит будущее» (подчеркнуто нами).

Извольте видеть, как плохо стала вдруг вести себя в послевоенной Англии буржуазная литература, в другие времена и в других странах, очевидно, по мнению И. З., только и занимавшаяся «описанием страданий и надежд пролетариата» (№ 2).

Среди рецензий, посвященных англо-американской литературе, следует еще остановиться на рецензии Брита на «Жуана в Америке» Линклейтера (№ 2) и на рецензии Британникуса на роман Бен Хекта «Влюбленный еврей» (№ 2), представляющих собой сочетание самого поверхностного эклектизма с необычайно развязными претензиями на «глубоко философские» обобщения. В качестве образчика того формалистского метода, которым орудует Брит в своей рецензии, достаточно указать, что он ставит типично развлекательную книжку буржуазного писателя Линклейтера на одну доску с... «Американским раем» Э. Э. Киша, оговариваясь, что вся разница между обеими книгами — в форме.

«Однако форма описания избрана иная. У Киша — ряд блестящих литературных очерков-фельетонов полубеллетристического характера, с явным преобладанием газетной манеры. У Линклейтера — роман — описание походов современного Дон-Жуана».

Но если Брит в указанной рецензии ограничивает свои литературоведческие изыскания неожиданным открытием тесного родства между творчеством пролетарского очеркиста Киша и буржуазного авантюрно-развлекательного писателя Линклейтера (которого Брит кротко упрекает в «несерьезности»), то рецензия Британникуса на роман Хекта оказывается поистине универсальной. Чего здесь только нет! —

тут и похвалы умению автора «хорошо показать непоследовательность и противоречивость человеческого характера»; тут и разговоры о «жестоким таланте» Хекта; и о том, что он «мастерски изображает поиски того единственного прекрасного чувства, которое дается правдой» (?!); тут и рассуждения о том, что герой романа

«Джо Бошир — поистине наследник всех своих еврейских отцов и дедов, он соединяет еврейскую мировую скорбь и радость в унижении с гордостью американского выскочки, садизмом общечеловеческого эгоизма и логитизмом рафинированного нью-йоркского интеллигента».

Одним словом, тут все, кроме марксистского анализа книги, дающего хотя бы некоторое представление об ее сущности. Впрочем, возможно, что Британникус считает, что роль такого анализа может сыграть одна из заключительных фраз его рецензии, торжественно сообщаящая читателю тот достаточно очевидный факт, что «роман Гекта отнюдь не принадлежит к пролетарской литературе». Но мы почти уверены, что не найдем такого читателя, который, прочтя рецензию Британникуса, еще сколько-нибудь сомневался бы в том, что автор романа не является представителем пролетарской литературы, — точно так же, как и в том, что автор рецензии не является представителем пролетарской критики.

Обложка книги Людвиг Ренна „Нахкринг“.

«Качество» информации, которую дают рецензии «Иностранной книги», наглядно вскрывается на отзыве о № 1 американского журнала «Лефт», помещенном в № 2¹. Излагая «объективно» содержание этого номера, рецензент «Иностранной книги» не отмечает никаких недостатков в декларативной передовице, ограничиваясь приведением из нее двух цитат. О статье А. Кауна «Горький и Ленин» мы узнаем только, что статья эта «освещает взаимоотношения между Лениным и Горьким в эпоху реакции». Рецензент и не заикнулся даже о том, что статья эта содержит клеветнические троцкистские нападки на Ленина.

Рецензент дипломатически умалчивает об откровенно социал-фашистской статье Селемсона «Французская литература левого направления». О социал-фашистском идеологе Кальвертоне мы узнаем только, что это «известный радикальный критик», который «ставит вопрос о позициях, занимаемых марксистской критикой при разрешении проблемы взаимоотношения формы и содержания в искусстве». Читатель вряд ли догадается из этого многозначительного отзыва, что Кальвертон в своей статье проводит социал-фашистскую линию II Интернационала на отрицание самостоятельного пролетарского искусства, вернее — на его ликвидацию.

Такова же «ценность» большинства других рецензий «Иностранной книги».

Лучше обстоит дело с библиографией германской литературы.

Выбор рецензируемых немецких книг явно носит на себе тот же отпечаток самотека. Судя по тому, что «Иностранная книга» дает по германской литературе не только обычного типа рецензии, но и более развернутые статьи-обзоры, журнал, очевидно, претендует не только на то, чтобы информировать об отдельных вышедших книгах, но и освещает основные явления современной германской литературы. Чем объяснить, в таком случае, что в конкретной библиографии мало представлена буржуазная литература? Мы имеем один обзор М. Живова «Литература на службе империализма» и одну рецензию Фейгиной, — беспартийный пересказ содержания одного буржуазного произведения литературы (Bruno Adler «Der Schuss in den Weltfrieden» — авантюрного романа на тему об убийстве Франца-Фединанда). Журнал не останавливает внимания советского читателя на литературе германского фашизма и социал-фашизма. О ряде ведущих произведений фашистской литературы Германии «Иностранная книга» сообщает лишь в заключительной сводке «Новые книги», давая отзывы буржуазных газет без единой строчки комментариев.

Произведения пролетарской и революционной литературы Германии освещены и в «Иностранной книге» более подробно, хотя и тут сказывается некоторая случайность отбора (о Бределе и Вольфе «Иностранная книга» пишет по два раза, а, скажем, о Нейкранце нет ни строчки).

Обзор М. Живова «Революционная германская литература в борьбе с подготовкой войны»,

108 ¹ См. подробную рецензию о „Лефте“ в „Литературе мировой революции“ № 7 1931 г.

как его рецензии на отдельные книги, выгодно отличаются от общего тона «беспартийной информации», характерного для рецензий «Иностранной книги». Давая в общем верную картину германской пролетарской литературы, Живов мало останавливается на недостатках творчества отдельных писателей.

Нельзя, например, отрицать огромного политического значения «Великого плана» Иоганнеса Р. Бехера. Но нельзя также отрицать, что это произведение, сама тема которого включает в себя значительнейшие трудности выполнения, не лишено элементов рационализма и схематизма, местами и существенных политических неточностей (например, представление о городе Днепрострое, как о городе без классовой борьбы).

Я. Зунделович рецензию о рассказах Вайскопфа — революционного, но отнюдь еще не пролетарского писателя, несмотря на долготелее пребывание в компартии не преодолевшего еще элементов мелкобуржуазной идеологии в своем творчестве, — начинает категорическим утверждением: «Пролетарская устремленность Вайскопфа ясна». Следует довольно путаный формалистский анализ рецензируемых рассказов (№ 1).

Преувеличены и достоинства «Машиностроительного завода Н. и К.» Бределя, не свободное от ряда недостатков творческого метода, в рецензии А. Семеновской (№ 2). Вдобавок, рецензент мимоходом допускает грубый политический ляпсус, утверждая, что

«...наличие в Германии революционной ситуации позволяет художнику ставить в своем произведении проблемы, которые в большинстве других стран были бы не так актуальны и, не вытекая из событий сегодняшнего дня, несколько утопичны. Так, вопрос о завтрашней советской Германии встает уже перед рабочими в произведении Бределя...»

Не говоря уже о том, что в Германии, конечно, не наличие революционной ситуации, а только нарастание ее предпосылок, — формулировка относительно «утопичности» лозунга пролетарской революции «в большинстве других стран» грубо оппортунистична.

Исключительно эклектической, путаной и вредной является статья П. С. Когана «Пролетарская литература в Германии» (№ 3—4). Она служит наглядным доказательством того, что барское пренебрежение к пролетарской литературе и приспособленческое захваливание ее являются двумя сторонами одной и той же медали. Иначе, как барским пренебрежением, нельзя назвать, когда изложение содержания — и то не вполне точное — двух романов пролетарского писателя Бределя и трех пьес полутчика Вольфа, взятых в полной изоляции от всего процесса развития пролетарской литературы Германии и даже от ее сегодняшнего дня, — гордо преподносится под заглавием: «Пролетарская литература в Германии». Иначе, как приспособленческим захваливанием, нельзя назвать, когда о Бределе говорится в таких невразумительно-приподнятых выражениях:

«...Он — не историк и не поэт событий, 109

он — участник борьбы, герой, не сознающий своего героизма... То, о чем говорит он, волнует читателя, но не волнует его: он слишком революционер и коммунист, слишком закален в борьбе, чтобы хоть на мгновение изменить своему хладнокровию... и т. д.

В таких же, примерно, выражениях говорится и о Фр. Вольфе.

Отталкиваясь от двух романов Бределя, П. С. Коган «мимоходом» охватывает огульно всю пролетарскую литературу Германии.

«Люди — социальные функции, армии, в которых все на одно лицо, все одеты в серые шинели, — таковы герои подавляющего большинства пролетарских романов».

Вряд ли такое определение применимо к романам Клебера, Мархвица, Шаррера, Турека, да и ряда других, представляющих «подавляющее большинство пролетарских романов», и вряд ли возможно рассматривать творчество Бределя в отрыве от всей этой литературы.

Такие же, не обоснованные ничем, кроме незнакомства с германской пролетарской литературой, авторитетные суждения выносит П. С. Коган и по ряду других вопросов. Так, например, «достижения пролетарской драматургии в Германии» представляются ему «еще более значи-

«нижное обозрение»

Обложка книги Иоганнеса Бехера „Пятилетний план“

тельными», чем достижения в области пролетарского романа. Такого рода заявления для каждого, мало-мальски знакомого с пролетарской литературой Германии, звучат просто смешно.

Идея рассматриваемых П. С. Коганом произведений понята им с такой «проницательностью», что, например, в «Розенгофштрассе» Бредела он не заметил... борьбы против фашизма, составляющей основное содержание книги, а содержанием «Машиностроительного завода» считает «предательскую деятельность профсоюзных бюрократов и социал-демократов», а не работу и борьбу ячейки КПГ. Вульгарной дефовщиной отдает утверждение П. С. Когана, что

«пролетарскому драматургу нечего прибавлять к фактам, потому что жизнь по своей красочности превосходит поэмы...»

Грубейшей правооппортунистической ошибкой является его оценка германской буржуазной литературы.

«При высоких формальных достижениях германская литература поражает убожеством своей тематики...
...Эта литература не является больше общественной силой».

Такая оценка ведет лишь к притуплению классово-бдительности по отношению к богатой и боевой литературе германского фашизма и социал-фашизма.

Пролетарская литература, по мнению П. С. Когана, «разрушает старую тематику». Классовая борьба в литературе воспринимается им как тематическое различие; о такой «мелочи», как борьба противоположных мировоззрений, он считает излишним упомянуть.

Мы ограничиваемся обзором рецензий, посвященных четырем упомянутым литературам, так как они занимают преобладающее место в литературно-художественном отделе «Иностранной книги».

Каковы же выводы?

Выводы очевидны. «Иностранная книга» должна, если она не в состоянии сплотить вокруг себя марксистских критиков, знакомых с зарубежной литературой, самым срочным порядком ликвидировать отдел «Художественной литературы» и отдел смехотворных и вредных аннотаций по этой литературе. В противном случае она должна немедленно отказаться от услуг упражняющихся на ее страницах буржуазных критиков, эклектиков и путаников и постараться давать меньше рецензий и «аннотаций», но зато поручать их грамотным марксистским критикам. Во всяком случае, вместо того, чтобы перепечатывать свои же безграмотные аннотации из номера в номер, лучше перепечатывать серьезные рецензии и обзоры по вопросам зарубежной литературы из других литературных пролетарских журналов, советских и иностранных.

Мы ограничиваемся только областью художественной литературы, но мы полагаем, что было бы не безынтересно заняться внимательнее и отделом «Социально-экономической литературы». Это позволило бы нам отдать себе

отчет в общей физиономии этого журнала, способного, несмотря на свой небольшой тираж, принести большой вред и большую путаницу.

Бригада МОРП

«Да, но Москва...»¹

Третий, решающий год пятилетки, «год великого перелома» (Сталин), был годом великого перелома в отношении мировой буржуазной печати к СССР, вернее—в методах борьбы этой печати против СССР. Заговор молчания о достижениях СССР, клевета на советский строй, бредни о «зверствах большевиков»—все эти битые козыри в одно прекрасное время были выброшены в мусорный ящик. Буржуазная печать наподобие иерихонской трубы 13 лет без устали трубила у стен СССР, прикрывая своим языком те более реальные меры, которые предпринимали в это время генштабы империалистических держав, чтобы заставить рухнуть непокорные стены. Стены не только не рухнули, но, наоборот, вздыбились над всем капиталистическим миром лесами небывалой в истории стройки — стройки социализма. Иерихонская труба открытой клеветы оказалась несостоятельным инструментом. Осознав это, мировая буржуазия с ловкостью фокусника заменила ее новым инструментом, более тонким. Небезынтересно отметить, что одним из протечей этой перемены курса, одним из первых разведчиков мировой буржуазии, избывавшим в пролетарском государстве и по возвращении сигнализировавшим своему классу необходимость резкой перемены методов борьбы с СССР, был не кто иной, как известный писатель-гуманист,—всегда открещивающийся от всякой «политики» и проповедывавший идеалы бесклассового «человечества»,—Жорж Дюамель. Дюамель в 1925 году побывал в СССР и после возвращения во Францию выпустил книжку «Путешествие в Москву». После клеветнической, бульварной книжки Бери («Что я видел в Москве»), книга Дюамеля была принята как дружеский документ, поскольку она одна из первых показывала всю несостоятельность бредней об одичании и варварстве и призывала «беспристрастно» изучать советскую действительность. Рассматривая эту книгу с точки зрения сегодняшнего дня, мы находим в ней готовую программу тех новых, более тонких методов борьбы с СССР, которые пять лет спустя разработали и усовершенствовали идеологи мирового социал-фашизма.

Идея книжки сводится в общих чертах к следующему: советский строй не хуже буржуазного, а во многих отношениях даже лучше—есть чему поучиться, советское государство организованнее, и во главе его стоят разумные правители. Но достижения этого строя вполне осуществимы и в рамках буржуазного государства, лишь бы во главе его стояли столь же разумные правители. Иными словами, Дюамель отрицает социалистический характер советского строительства.